

ДОБРАЯ ПАМЯТЬ

...Как-то я встретился в Ленкорани со старейшим педагогом Павлом Константиновичем Поповым, страстным патриотом города. Рассказывая о своих знаменитых земляках, он раскрыл альбом и вынул поблекшую от времени фотографию. Со снимка на меня взглянул молодой Муслим Магомаев. Вокруг него тесной стайкой расположились мальчишки.

— Это мои друзья и сверстники. — сказал старый учитель. — Вот этот, в шапочке, Ширали. Ахундов.

А этот — Алекпер Мирзабеков. Дальше — Исаак Сукиясов. Ну, а в самом нижнем ряду еще один мальчонка затерялся. Он немного, как видите, похож на меня...

— А где жил Муслим Магомаев? — спросил я.

— Охотно покажу. Собирайтесь!

Спустя десяток минут мы уже неторопливо шли по центральной улице города и, свернув за угол, остановились.

Одноэтажный, ничем не примечательный дом на улице Хасиева. Здесь, в семье Семеновых, и остановился в первый год своей жизни в Ленкорани Муслим Магомаев. Скромные комнаты, застекленная галерея с выходом в маленький сад Стариков Семеновых давно уже нет в живых. Их дети —

нынче почтенные по возрасту люди. Одна из тех малышек, которых пестовал Муслим, — известная в Ленкорани учительница, заслуженный педагог республики Мария Сергеевна Семенова.

— Наша семейная реликвия, — сказала она, подавая мне небольшую фотографию. На ней — группа девочек

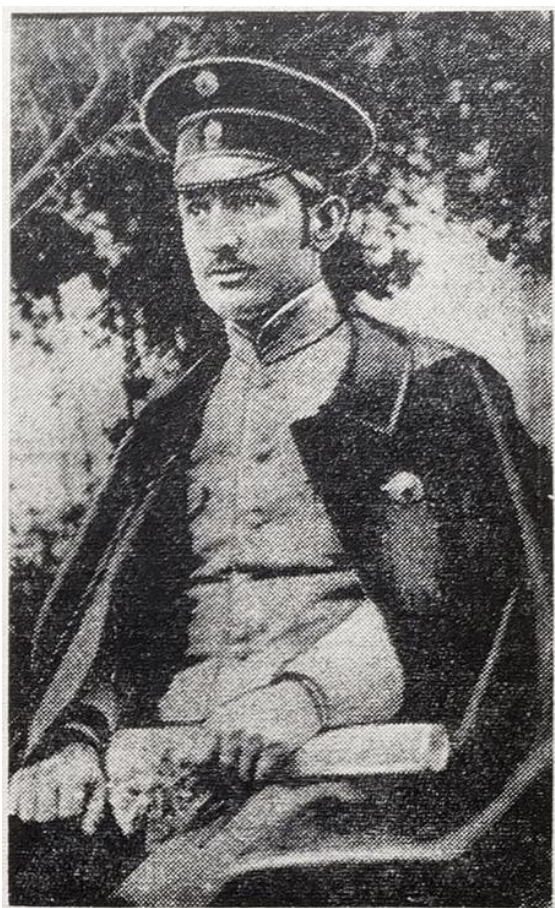
вместе со своей матерью. На фото ясным, четким почерком Муслима написано:

«На добрую память Ефросинье Ивановне».

Тихим провинциальным городком была тогда Ленкорань. Ни одной фабрики, ни одного завода. Рыбные промыслы не в счет, — они в Кумбашах, на острове Сара, на Куринской косе. Не потому ли в городе остро ощущалась печать густого чиновничьего духа?

В нескольких шагах от Ленкоранского маяка старое потускневшее здание. Когда-то здесь размещались казачьи казармы. Затем их перебазировали в Астару, а тут разместили четырехклассное училище. Оно носило имя графа Воронцова-Дашкова, но атмосфера в нем была сравнительно демократичная. В классах сидели сыновья кустарей, ремесленников, форштадских рыбаков, чиновников. Здесь-то и учительствовал Магомаев.

Был тогда Муслим совсем еще молод. Ему едва минуло двадцать два года. Преподавал он естествознание и географию. Уроки в классах чередовались с выездами в пригородные села Герматук, Ведь, Алексеевку, с экскурсиями учащихся в Ольховку, на остров Сара. И все это было не просто данью краеведению, а выражало глубокое желание молодого педагога ближе познакомиться с жизнью простых людей, крестьян.

Однажды Муслим предложил своим коллегам поехать по Закавказью для сбора гербария. Прихватив побольше бумаги, тетрадей, папок, группа учителей и учеников двинулась летом в дорогу. Путь предстоял далекий — через Баку в Тифлис и дальше, по Военно-Грузинской дороге. Сколько впечатлений, встреч! И как приятно было самому Муслиму вновь побывать в Гори, где он учился в семинарии вместе с друзьями — Узеиром Гаджибековым и Али Тергуловым.

Почти все свободное время Муслим отдавал тому, что сегодня мы называем «внеклассной работой». Не в силах совладать со своей страстью к музыке, он решил создать в училище

музыкальный кружок. Учитывая интернациональный состав учеников, Магомаев объединил, казалось бы, несовместимое. На занятиях кружка звучали кеманча и скрипка, тар и гармонь.

... — Соберутся подростки, — вспоминает П. К. Попов, — сядут с инструментами на скамейки, парты, стулья, — кто где. Один пикирует на своей, все еще непослушной скрипке, другой растягивает мехи гармоники, будто хочет тут же пуститься в пляс. Но вот доносятся знакомые шаги, и ребята смолкают. В дверях — высокий, строгий и в то же время приветливый Муслим-муэллим.

Успех кружка превзошел все ожидания. Муслим решил создать первый за всю историю города детский струнный оркестр.

Скептики, а их было большинство, с усмешкой отнеслись к этой идее будущего композитора. Но прошел год, другой. В городском училище появились новые самодеятельные коллективы — детский хор и драматический ансамбль. Первые выступления хора, оркестра народных инструментов и драматического любительского кружка состоялись на сцене «Электросинематографа» в 1909 году. Присутствовавшие на спектакле были в восторге не только от водевиля «Вечернее чихание к добру», но и от первого музыкального произведения молодого композитора «Маленькая фантазия».

Самодеятельные спектакли и литературные вечера были единственным способом открыто выразить общественные настроения учителей. И молодой педагог стремится использовать эту возможность глубже, полнее. Весной 1909 года, когда отмечался юбилей Гоголя, главным режиссером литературного концерта стал Муслим Магомаев. Инсценировка из комедии «Ревизор», чтение отрывков из «Тараса Бульбы» и «Мертвых душ» приобрели на этот раз звучание особое.

Молодого учителя и его друзей Панаха Касимова, Ивана Калантарова, Кузьму Кондакова тревожили судьбы народа, будущее страны. Традицией среди передовой части педагогов стали учительские маевки. Выход с учащимися в первомайские дни за город, на живописные лесные поляны радовал, будоражил. Там устраивались своеобразные пикники, концерты с декламацией пушкинского за сердце берущего «Послания в Сибирь»,

страстного лермонтовского «На смерть поэта», полных скорби и гнева стихов Сабира...

Смерть Льва Николаевича Толстого осенью 1910 года потрясла лучшую часть интеллигенции города. Многие говорили о проведении траурного шествия, о манифестации. Но на имя уездного начальника Карповича тут же последовало телеграфное указание бакинского губернатора. В нем строгонастрого предписывалось: «В случае допущения панихид, не разрешайте противоправительственных выступлений».

...Уезжая в 1911 году из Ленкорани, преподаватель естествознания и географии навсегда увозил, в своем сердце частичку живописного приморского города, где он оставил о себе добрую память.

А. ПРИВОЛЬНЫЙ

Газета «Бакинский Рабочий»,

№195, 21 августа 1969 г.